

УДК: 159.922

doi

КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА В ЗАПОМИНАНИИ И ВОСПРОИЗВЕДЕНИИ СЮЖЕТНОГО МАТЕРИАЛА (НА ПРИМЕРЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ И УССКОЙ КУЛЬТУРЫ)

О.Н. Арестова, М.И. Гамзаева, И.В. Блинникова

Актуальность. Статья посвящена крайне актуальной в теоретическом и практическом плане проблеме культурных различий в организации памяти, которая рассматривается на примере запоминания сюжетного материала представителями русской и азербайджанской культуры

Методика и выборка. Применялась специально разработанная методика вербального пересказа видеосюжета, предъявляемого без речевого и звукового сопровождения, что позволило применять идентичный стимульный материал для различных культур. В исследовании участвовало 60 человек, по 30 человек в каждой культурной подвыборке.

Результаты. Полученные результаты указывают на наличие культурной специфики в запоминании и воспроизведении сюжетного материала. Показано, что значимость социальных и индивидуально-психологических факторов организации памяти меняется в зависимости от принадлежности человека к коллективистической или индивидуалистической культуре. Представители азербайджанской культуры более склонны включать в сюжет моральный вывод, а русской – более склонны к анализу мотивации героев.

Выводы:

1. Для представителей русской культуры более свойственна субъективность формируемого сюжета и большая проективная свобода интерпретаций в отношении событий и деталей, что может объясняться активностью индивидуальных факторов когнитивного порядка в отношении запоминания.

2. Склонность к моральным оценкам и наставлению при воспроизведении сюжета более выражена у представителей азербайджанской культуры, что указывает на активную роль социальных норм и правил в детерминации мнемических процессов по сравнению с индивидуальными факторами (например, мотивация).

3. Мотивация героев как основа сюжетной линии более характерна для представителей русской культуры по сравнению с азербайджанцами и свидетельствует о большей значимости для русских испытуемых индивидуально-личностных детерминант мнемических процессов.

Ключевые слова: Кросс-культурное исследование, познавательные процессы, мнемическая деятельность, запоминание, воспроизведение, сюжет, память-рассказ.

Благодарность. Статья выполнена в рамках гранта «Кросс-культурные различия в способах когнитивной обработки вербального и образного материала» Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 20-013-00674.

CULTURAL SPECIFICITY IN MEMORIZING AND REPRODUCING PLOT MATERIAL (ON EXAMPLE OF AZERBAIJANI AND RUSSIAN CULTURE)

Arestova O.N., Gamzaeva M.I., Blinnikova I.V.

Relevance. The paper is devoted to the problem, extremely relevant in theoretical and practical terms, of cultural differences in memory organization, which is considered on the example of memorizing plot material by representatives of Russian and Azerbaijani culture.

Methodology and sample. The study involved 60 people, 30 people in each cultural subsample. A specially developed technique of verbal video plot reproduction was used, where the narrative was presented without speech and sound accompaniment, that allowed the usage of identical stimulus material for different cultures.

Results. The results obtained indicate the cultural specificity in memorizing and reproducing plot material. It is shown that significance of social and individual-psychological factors of memory organization changes depending on affiliation to collectivistic or individualistic culture. The representatives of Azerbaijani culture are more likely to include a moral conclusion in the plot, whilst those of Russian culture are more inclined to analyze the motivation of characters.

Key findings:

1. The representatives of Russian culture are more characterized by the subjectivity of plot being formed and greater projective freedom of interpretation regarding events and details, which can be explained by the activity of individual factors of cognitive order in relation to memorization.

2. The tendency to moral assessments and moralizing in reproduction of a plot is more specific to representatives of Azerbaijani culture, which indicates an active role of social norms and rules in mnemonic processes determination compared with individual factors (e.g., motivation).

3. The motivation of characters as the basis of storyline is more peculiar to representatives of Russian culture compared to the Azerbaijanis and testifies to the greater importance of the individual personal determinants of mnemonic processes for the Russians.

Keywords: Cross-cultural research, cognitive processes, mnemonic activity, memorization, reproduction, plot, narrative memory.

Acknowledgements. This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project “Cross cultural differences in methods of cognitive processing of verbal and visual material”, no. 20-013-00674.

Введение

Исследования запоминания в связи с культурной принадлежностью имеют достаточно длительную историю и связаны с именем Ф. Бартлетта (Bartlett, 1932; Wagoner, 2017). Как предположил автор, культурно значимые события и ценности создают основу для мнемической селекции, формируя сюжетную основу запоминания. Уже тогда Ф. Бартлеттом были отмечены культурные различия в сюжетной целостности и склонности к детализации. Также было указано на возможность двух видов связи событий при запоминании: временная последовательность и логическая связанность, в большинстве исследований определяемая как сюжет. Сюжет в современном понимании – это связанная смысловым единством последовательность событий, предполагающая не только логические, но и психологические отношения, а именно психологическую связь между участниками событий (Слаутин, Пимонов, 2012). Близкими по смыслу понятиями, также используемыми в работах по исследованию запоминания, являются нарратив, схема или сценарий (Нуркова, 2018).

Культурная схема рассматривалась как основа словесного кодирования запоминаемого материала (Бартлетт, 2008; Слобин, 1976; Ревзина, 2006; Hendricks, 2021). М. Коул считает, что, культурные различия в памяти связаны с организацией повседневной жизни людей (Коул, 1997) и указывает на работы С. Найдела (Nadel, 1937), который весьма успешно дифференцировал влияние собственно культуры и условий повседневной жизни. По данным последнего, культура существенно определяет мнемическую организацию, даже при сходстве условий существования. В этих работах также были намечены параметры анализа данных воспроизведения сюжетного материала (сюжетная целостность в противоположность формальной точности (детализация), анализ мотивации героев сюжета, событийная точность и фантазирование).

Новое обращение к тематике сопоставления формально-точных и содержательно-сюжетных компонентов запоминания в культурном аспекте было предпринято в работах самого М. Коула (Коул, 1997), объяснившего культурные различия в запоминании соотношением процессов непосредственного запечатления и смысловой обработки материала. Полученные им данные опираются и в свою очередь подтверждают положение П. Жане о вербализации событий как основном механизме социального произвольного запоминания (так называемая «память-рассказ» как форма социальной памяти) (Жане, 1979). Согласно автору, произвольное осознанное запоминание возможно только в случае превращения последовательности разрозненных во времени, пространстве и персоналиях событий, в том числе невербальных, в логически связанный сюжет, рассказ. Именно сюжетный материал, рассматриваемый в качестве предмета вербализации в ходе запоминания, довольно часто становится объектом междисциплинарного изучения в последние годы (León, 2016; Тивьяева, 2020; Huk & Bekhta, 2020).

По мнению Л.С. Выготского, вербализация как основа произвольного запоминания базируется на изменении отношений между памятью и мышлением по мере развития

высших психических функций (Выготский, Лурия, 1993), функциональная связь которых обеспечивается за счет оречевления памяти, использования речи как средства организации памяти. В лингвокультурологической теории язык также рассматривается как компонент культуры и инструмент, посредством которого человек усваивает и запоминает культурную информацию (Маслова, 2001).

Р. Нисбетт (Нисбетт и др., 2011), указывая на типичные для культуры ценности и обычаи как основу специфики стилей познания, отмечает значение языка как основной социальной практики, определяющей межкультурные когнитивные различия. Наиболее полно современные представления о культурных детерминантах познания интегрированы в многоуровневой модели Ю. Миямото (Miyamoto, 2013; Самойленко и др., др., 2015). В модели представлены следующие уровни факторов:

1. дистальные (религия, экология, социальная среда, ведущая деятельность общества);
2. проксимальные (предметная среда, язык, коммуникативные практики, образовательные стили и ценности, игры);
3. индивидуальные (Я-концепция, мотивация, когнитивные стили, категоризация и атрибуция).

Можно предположить, что эти детерминанты актуальны и взаимодействуют в любой культуре, но степень их влияния на познавательную деятельность в разных культурах различна. Закономерно также гипотеза о том, для коллективистических культур более существенны факторы (детерминанты) 1 и 2 уровней, но по мере перехода от традиционных культур к современным происходит усиление влияния факторов уровня 3 (Арестова, Муслимзаде, 2018).

В настоящее время культурно-сопоставительные исследования когнитивных процессов сконцентрированы в основном на сравнении западных и восточных культур, в качестве которых чаще всего рассматриваются Китай, Корея и Япония (Скрибнер, 1977; Коул, 1997; Ji, Peng, Nisbett, 2000; Nisbett et al., 2001; Wang, 2009, Anakwah, Horselenberg et al., 2020; Leger, Gutchess, 2021; Rabeson et al., 2021). При этом фиксируется в основном различие между холистическим и аналитическим стилем познания, в конечном счете, выражающимся в концентрации на фокальном объекте или на контекстных взаимосвязях (Миллар и др., 2013, Gutchess, Huff, 2016; Rabeson, Blinnikova, 2020).

Большинство традиционных межкультурных исследований проводилось на материале социально и географически далеких культур. Однако в современном мире приобретает значение другое направление, а именно изучение когнитивной и в том числе мнемической специфики культур, проживающих в тесном бытовом и социальном контакте в рамках мультикультурного общества (Арестова, 2016; Арестова, Муслимзаде, 2018). В качестве среды нашего исследования выступили города с многонациональным и мультикультурным населением – Москва и Баку, где наблюдается социальная и бытовая общность разных культур. Выбор азербайджанской культуры как сопоставляемой с

русской также опирался на ранее полученные нами данные о значительном внутрикультурном понятийном единстве азербайджанцев по сравнению с русской культурой, что позволило сделать предположение о наличии коллективистических свойств у современной культуры этой страны. Основу такого предположения составило представление Р. Нисбетта о связи специфики когнитивных процессов с таким параметром культуры, как коллективизм/индивидуализм (Блинникова и др., 2021; Нисбетт и др., 2011).

В то же время наличие значительных понятийных расхождений, характерных для представителей русской культуры, заставило предполагать наличие индивидуалистических культурных характеристик. Значимой мотивацией для выбора сопоставляемых культур было также положение о малой изученности культурно-психологических особенностей народов, проживающих на постсоветском пространстве, ранее включенных в единое государство, а ныне независимых.

Изучение особенностей запоминания и вербального воспроизведения сюжетного материала в связи с культурной спецификой и стало предметом нашего исследования.

Цели исследования заключаются в выявлении наличия или отсутствия культурной и географической специфики при воспроизведении сюжетного материала и объяснение природы различий в случае их обнаружения.

Гипотеза состоит в том, что в запоминании и воспроизведении сюжетного материала у представителей русской культуры более существенно по сравнению с азербайджанской культурой проявляется значимость индивидуальных детерминант запоминания. Напротив, более коллективистический характер азербайджанской культуры способствует проявлению характеристик, непосредственно связанных с социально-регуляторными факторами.

В качестве методики мы использовали разработанный нами прием устного пересказа видеосюжета, который предъявлялся без звукового сопровождения. Условия исследования предполагали сходство с реальными процессами запоминания происходящих событий с помощью создания вербального сюжета. Отсутствие звукового сопровождения позволило повысить экологическую валидность исследования, исключить влияние языкового фактора и придать материалу большую проективность для большей свободы интерпретации при описании событий (Соколова, 1987).

Выборка. В исследовании приняло участие 60 человек, представители русской (Москва) и азербайджанской (Баку) культуры, по 30 человек в каждой группе.

Возраст испытуемых в бакинской выборке: 18-22 года, в группе русских испытуемых в Москве: 18-30 лет. Испытуемыми в Баку были студенты, а в Москве – студенты и начинающие психологи. Абсолютное большинство обеих выборок составляли студенты вузов или лица с высшим образованием. Выборки были уравнены по половому признаку.

Критерием культурной принадлежности испытуемых было определение русского или азербайджанского языка как родного и преобладающего в общении. Учитывался субъективный критерий, в беседе уточнялось, к какой культуре относит себя сам испытуемый, каким традициям следует он и его семья, на каком языке разговаривают в доме.

Стимульный материал. Мы использовали фрагмент из фильма «Раз, два, три, замри» (режиссер Бертран Блие, Франция, 1993,) длительностью 4 с половиной минуты, который воспроизводился без звукового сопровождения.

Сюжет включает следующие действующие лица: пожилого мужчину, чернокожего бедного мальчика, прохожего с собакой, и состоит в следующем: Старик ночью спит в своем доме, в это время в дом проникает чернокожий мальчик и ворует продукты. Старик застаёт его и преследует, мальчик убегает. Но старик не хочет наказывать воришку, а стремится помочь ребенку. Встречный мужчина с собакой осуждает старика за желание помогать мигрантам. Старик возвращается домой и ложится спать, оставив на столе немного денег для ребенка. Мальчик возвращается, берет деньги и спрашивает старика, почему он ему помогает. Старик кормит ребенка и наставляет его. Таким образом, сюжет включает в себя следующие узловые пункты: проникновение воришки в дом – преследование – встреча с соседом и ссора с ним – помощь ребенку – возвращение воришки – прояснение мотивов в беседе – примирение и напутствие ребёнку.

Выбор сюжета определялся парадоксальностью поведения персонажей, что предполагает простор для проективных интерпретаций. Кроме того, на выбор материала повлияла актуальность тематики межнациональных отношений, отраженная в видеосюжете.

Процедура исследования. Испытуемым перед просмотром видеосюжета сообщалась следующая инструкция: «Просмотрите фрагмент из фильма. Он будет без звукового сопровождения. Запомните события фильма и затем спустя один час расскажите о них». Через час испытуемого просили воспроизвести те события фильма, которые он запомнил, в виде устного рассказа.

Результаты. Протоколы анализировались с помощью контент-анализа путем применения специально разработанной системы параметров:

сюжетная связанность: наличие связного сюжета в противоположность формальному перечислению сцен видеофрагмента;

детализация в противоположность селективности событий и героев по сюжетной значимости (событийная иерархизация);

пропуск ключевых событий с изменением смысла сюжета;

ошибочные опознания предметов;

включение отсутствующих событий и действий (фантазирование);

анализ мотивации героев;

описание переживаний героев;

моральная оценка событий и действий героев.

Специальной и довольно сложной задачей исследования было соотнесение параметров контент-анализа протоколов с факторами, выделенными в модели Ю. Миямото (Miyamoto, 2013; Самойленко др., 2015). Интерпретационный смысл указанных параметров представлен в таблице 1.

Таблица 1.

Параметры анализа протоколов и их интерпретационный смысл

Параметр	Интерпретационный смысл параметра
Сюжетная связанность	Смысловая связанность сюжета является основой произвольного запоминания и проявляется в формировании логической и эмоциональной связи событий и героев. Противоположность сюжетной целостности – формальное перечисление сцен и событий без их смысловой связи характерна для другой формы организации запоминания, когда временная последовательность событий замещает логический сюжет.
Пропуск ключевых событий с изменением смысла сюжета	Чаще наблюдается при недостаточно четко сформированном сюжете и выглядит как логические провалы в рассказе, характерно отсутствие связи между событиями. В некоторых случаях может быть проявлением субъективности при несовпадении индивидуального сюжета с реальным сюжетом события.
Детализация	Рассматривается как признак стремления к точности запечатления, часто может быть связана с нарушением селективности запоминания, рядоположенностью узловых событий и второстепенных деталей
Моральная оценка событий и действий героев	Рассматривается как признак ориентации на социальные регуляторы поведения (нормы и ожидания) в создании вербального сюжета. Относится к культурным факторам модели Ю. Миямото (уровень 2) и указывает на существенность влияния прямой социальной регуляции (проксимальные факторы)
Анализ мотивации героев	Рассматривается в качестве критерия значимости субъективных характеристик (уровень 3 в модели Ю. Миямото) в формировании вербального запоминания. Является проявлением значимости индивидуальных детерминант познавательных процессов
Описание переживаний героев	Рассматривается в качестве критерия значимости субъективных характеристик в

	формировании вербального запоминания. Является проявлением значимости индивидуальных детерминант познавательных процессов (уровень 3 в модели Ю. Миямото).
Ошибочные опознания предметов	Проективный параметр. Рассматривается как искажающее влияние неосознаваемых индивидуальных факторов (прежде всего мотивации) (Леонтьев, 2004) (уровень 3 в модели Ю. Миямото)
Описание отсутствующих событий и действий (фантазирование)	Проявление индивидуального фактора (уровень 3 в модели Ю. Миямото), в частности, творческого характера мышления, фантазии. Также способствует субъективации запоминаемого материала (Бартлет, 2008)

Table 1.

Protocol analysis parameters and their interpretive meaning.

Parameter	Interpretive meaning of the parameter
Plot coherence	The semantic coherence of the plot is due to voluntary memorization and manifests itself in formation of logical and emotional connection between events and characters. The opposite of plot integrity is formal enumeration of scenes and events without a semantic connection is peculiar to another form of memorization organization, when the time sequence of events replaces the logical plot.
Key events loss with a change of plot meaning	More often observed with an unprecisely formed plot and looks like logical failures in the story and lack of connection between events. In some cases it can be a manifestation of subjectivity when the individual plot doesn't coincide with the real plot of the event.
Detailing	It is considered as a sign of commitment to accuracy of imprinting, it can often be associated with a violation of memorization selectivity, the row arrangement of focal events and secondary details.
Moral assessment of the events and characters' actions	Considered as a sign of orientation on social regulators of behavior (standards and expectations) while creating a verbal plot. Refers to the cultural factors of Yu Miyamoto's model (level 2) and indicates the importance of influence of direct social regulation (proximal factors)
Analysis of characters' motivation	Considered as a significance criterion of subjective characteristics (level 3 in the model of Yu. Miyamoto) in the formation of verbal memorization

	and as a importance manifestation of individual determinants of cognitive processes
Description of characters' emotional experience	Considered as a significance criterion of subjective characteristics (level 3 in the model of Yu. Miyamoto) in the formation of verbal memorization and as a importance manifestation of individual determinants of cognitive processes (level 3 in Yu Miyamoto's model)
Errors of objects identification	Projective parameter. It is considered as a distorting influence of unconscious individual factors (primarily motivation) (Leontyev, 2004) (level 3 in the model of Yu. Miyamoto)
Description of absent events and actions (fantasizing)	The manifestation of an individual factor (level 3 in the model of Yu. Miyamoto), in particular, creative thinking and fantasy. Also contributes to the subjectivation of memorized material (Bartlett, 2008)

Такие параметры как «сюжетная связанность», «детализация», «моральные оценки и выводы» рассматривались по их наличию или отсутствию в рассказах испытуемых, и для сравнения применялся критерий хи-квадрат Пирсона. Для анализа остальных параметров их количество суммировалось в каждом протоколе, и для сравнения использовались критерии Т-Стьюдента для независимых выборок и U-Манна-Уитни. Для численной оценки выраженности параметров мы использовали частоту встречаемости, понимая под частотой отношение абсолютного количества проявлений данного параметра к количеству испытуемых. Таким образом, в таблице 2 указана средняя частота проявления параметра в каждом отчёте группы.

Таблица 2.

Частота встречаемости (ν) параметров в группах испытуемых, значение критериев χ^2 и U-Манна Уитни и значимость полученных различий.

Параметр анализа	Русские (Москва) (N=30)	Азербайджанцы (Баку) (N=30)	Значение критерия	P
Сюжетная связанность	0,76	0,57	$\chi^2= 2,43$	0,119
Детализация	0,62	0,8	$\chi^2= 2,31$	0,128
Пропуск ключевых событий с изменением смысла сюжета	0,93	2,4	Z= -3,15	0,002
Ошибочные опознания предметов	0,38	0,1	Z= -2,05	0,041

Описание отсутствующих событий и действий	0,17	0,4	Z= -1,91	0,056
Анализ мотивации героев	0,72	0,33	Z= -2,31	0,021
Описание переживаний героев	1,17	0,87	Z= -0,79	0,428
Моральные оценки	0,14	0,37	$\chi^2= 4,07$	0,044

Примечание: Значимые различия выделены жирным шрифтом.

Table 2.

The frequency of occurrence (v) of the parameters in the groups, the value of the χ^2 & U-Mann-Whitney criteria and the significance of the differences obtained. Significant differences are shown in bold.

Parameter analyzed	Russians (Moscow) (N=30)	Azerbaijani (Baku) (N=30)	Criterion value	P
Plot coherence	0,76	0,57	$\chi^2= 2,43$	0,119
Detailing	0,62	0,8	$\chi^2= 2,31$	0,128
Key events loss with a change of plot meaning	0,93	2,4	Z= -3,15	0,002
Errors of objects identification	0,38	0,1	Z= -2,05	0,041
Description of absent events and actions (fantasizing)	0,17	0,4	Z= -1,91	0,056
Analysis of characters' motivation	0,72	0,33	Z= -2,31	0,021
Description of characters' emotional experience	1,17	0,87	Z= -0,79	0,428
Moral assessment of the events and characters' actions	0,14	0,37	$\chi^2= 4,07$	0,044

Вначале проанализируем показатели, характеризующие способ формирования сюжета, ошибки, допускаемые в этом процессе и дополнения к сюжету. Это следующие параметры: сюжетная связанность, детализация, пропуск ключевых событий. Далее анализируются параметры, характеризующие когнитивные факторы воспроизведения, связанные с индивидуальными свойствами испытуемого. Это ошибочное опознание

предметов и персонажей и описание отсутствующих событий. Далее анализируем личностно-индивидуальные параметры: анализ мотивации героев и описание их переживаний. Наконец, охарактеризуем моральные выводы как компонент логики рассказа испытуемых, связанный с влиянием прямых социальных регуляторных механизмов.

Как видно из таблицы 2, основная часть испытуемых обеих групп склонна воспроизводить материал в виде целостного сюжета. Хотя отмечается некоторое различие, свидетельствующее о большей склонности русских испытуемых к сюжетной целостности, значимых различий между группами обнаружено не было. Аналогичные данные получены по параметру «детализация» - группы идентичны по данному параметру, при этом наши результаты хорошо соотносятся и с другими данными (Wagoner, 2017).

Однако по параметрам «пропуск ключевых событий» и «ошибочные опознания предметов и персонажей» наблюдаются значимые различия - у русских испытуемых эти показатели встречаются чаще. Это свидетельствует о большем влиянии на произвольное запоминание когнитивных факторов индивидуального порядка. Как оказалось, эти искажающие восприятие и запоминание факторы более существенно выражены у русских испытуемых. В целом это показывает большую склонность русских испытуемых к индивидуальной переработке запоминаемого материала, хотя в целом эта тенденция выражена у обеих групп, о чем говорит также одинаковая частота описаний выдуманных событий (фантазирование), наблюдаемая и у русских, и у азербайджанцев (табл. 2).

Склонность к пропуску ключевых событий с утратой сюжетной целостности указывает также на субъективизацию вербальной сюжетной линии в ходе запоминания, что может существенно исказить запоминаемый материал по сравнению с событийным оригиналом. Сходные данные были получены и в других исследованиях (Hendricks, 2021).

Показатель «ошибочное опознание предметов» также является весьма существенным, поскольку перцептивным искажениям традиционно придается большое значение в проективной психологии (Леонтьев, 2004; Соколова, 1987). Этот параметр указывает на значительную проективную свободу интерпретаций испытуемого, более творческом и одновременно подчиненном субъективной логике восприятия и запоминания. Наличие таких особенностей у русских испытуемых в целом согласуется с большей субъективностью логики у представителей русской культуры, обнаруженной в нашей предшествующей сопоставительной работе (Арестова, 2016; Арестова, Муслимзаде, 2018). Проживающие в Москве русские испытуемые в целом проявляют большую субъективность и склонность к проекции по сравнению азербайджанцами.

Обнаружены существенные различия между двумя культурами по степени выраженности параметров, отнесенных к уровню 3 (индивидуальные факторы формирования познавательных процессов, связанные с культурой). Так, русские испытуемые существенно чаще описывают мотивы и несколько чаще - переживания

героев. В целом русские испытуемые проявляют значительную склонность к опоре на эмоциональные и мотивационные компоненты при воспроизведении сюжета. Мотивация субъекта как основа сюжетного запоминания является важной формой проявления индивидуально-личностных факторов, связанных с культурой.

Представители русской культуры проявляют большую склонность к описанию мотивов и - отчасти - чувств героев, что формально противоречит полученным нами ранее данным (Арестова, 2016), указывающим на большую склонность азербайджанцев к использованию эмоционально насыщенных средств запоминания. Данный феномен может быть объяснен сложным характером влияния эмоциональных процессов на запоминание, в частности, в классических работах указывается позитивное влияние сильных эмоций на прочность запоминания (Xie & Zhang, 2017) и негативное – на связанность и логичность запоминаемого материала (Рейковский, 1979). В предшествующем исследовании запоминаемый материал не предполагал логическую связанность, а в настоящем – наоборот, сюжет был основой запоминания, что предположительно и привело к снижению интенсивности эмоционального фона, наблюдаемого у азербайджанских испытуемых. Схожее предположение о лучшем понимании эмоциональных состояний у русских по сравнению с азербайджанцами обсуждается в других исследованиях (Панкратова, Осин, 2018).

Одновременно большая эмоциональная насыщенность запоминаемого сюжета у русских испытуемых могла привести и к большей субъективности в интерпретации деталей и событий в целом (Minor & Herzmann, 2019).

Значительная представленность в рассказах испытуемых анализа мотивации героев говорит о том, что данный показатель является субъективной базой для создания сюжета при воспроизведении. Это согласуется с данными М. Коула, полученными в исследовании памяти народности кпелле в Либерии (Коул, 1997). В этом исследовании автору не удавалось добиться от испытуемых запоминания списка предметов, пока он не придавал этому списку смысл подарков для родителей девушки при сватовстве. В результате список слов приобрел осмысленный и связный характер, произошло структурирование материала на основе мотивационной ценности предметов. Полученный результат также согласуется с современными моделями влияния культуры на когнитивные процессы, где мотивация конкретных форм значимого для данной культуры поведения формирует индивидуальный детерминирующий уровень (individual factors) (Нисбет и др., 2011). В целом мы можем сделать вывод о большем вкладе этой группы факторов в формирование мнемического процесса у русских испытуемых по сравнению с азербайджанцами.

Данные подтверждают и гипотезу о большем влиянии социальных проксимальных факторов (например, мораль) на мнемическую деятельность испытуемых, принадлежащих к культуре, имеющей коллективистские признаки. Так, азербайджанцы по сравнению с русскими значимо чаще включают в рассказ моральный вывод.

Дальнейшее исследование мнемических процессов у двух культур направлено на выявление ведущих факторов, влияющих на запоминание, а также определение соотношения этих факторов в детерминации памяти у различных культур. Перспективы работы подразумевают увеличение выборки испытуемых, а также включение в исследование представителей других культур.

Выводы

И русские, и азербайджанцы склонны к формированию целостного сюжетного рассказа, логически связного и обоснованного объективным материалом. Структурированная целостность преобладает над неселективной детализацией у испытуемых обеих групп.

При воспроизведении сюжета все испытуемые склонны к субъективной трактовке связи событий и деталей, однако в целом эти тенденции более существенно выражены у испытуемых из русской выборки. Это может быть интерпретировано как активность индивидуальных факторов когнитивного порядка в отношении запоминания, более значительно выраженная у представителей русской выборки. Для русских испытуемых более типична субъективность формируемого сюжета, большая проективная свобода интерпретаций.

Склонность к морализаторству и наставлению при воспроизведении сюжета более существенно выражена у представителей азербайджанской культуры. Это говорит о большей активности прямых социально-детерминирующих факторов в адрес мнемических процессов (проксимальные факторы в терминах модели Ю. Миямото) по сравнению с индивидуальными.

Мотивация героев как основа сюжетной линии более характерна для представителей русской культуры по сравнению с азербайджанцами, что подтверждает гипотезу о большей значимости индивидуально-личностных детерминант когнитивных процессов, в частности мнемических, у первых.

Рассматривая азербайджанскую культуру как более традиционную и имеющую коллективистическую направленность, мы можем на основе наших данных подтвердить гипотезу о возрастании значения факторов индивидуального уровня в произвольном запоминании и когнитивной сфере в целом по мере перехода от коллективистических к индивидуалистическим культурам.

Литература

Арестова О.Н. Культурная специфика мнемического опосредования при запоминании вербального материала // Вопросы психологии. 2016. №3. С. 89-95.

Арестова О.Н., Муслимзаде П.З. Культурное своеобразие процессов обобщения при решении мыслительных задач (на примере азербайджаноязычных и русскоязычных жителей города Баку) // Вопросы психологии. 2018. №3. С. 87-93.

Бартлетт Ф. Человек запоминает // Хрестоматия по общей психологии: Психология памяти / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. М., 2008. С. 260-268.

Блинникова И. В., Блинников Г. Б., Бобков А. Н., Алиева А. Э. Кросс-культурные различия в оценках эмоциогенных изображений: Сравнение российской и азербайджанской выборок // Вестник РГГУ. 2021. № 1. С. 15–25.

Выготский Л. С., Лурия А. Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М., 1993.

Жане П. Эволюция памяти // Хрестоматия по общей психологии. Психология памяти / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. М., 1979. С. 85-92.

Коул М. Культурно-историческая психология: наука будущего. М., 1997.

Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. М., 1977.

Леви – Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994.

Леонтьев Д.А. Тематический апперцептивный тест. М., 2004.

Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2001.

Нисбетт Р., Пенг К., Чой И., Норензаян А. Культура и системы мышления: сравнение холистического и аналитического познания // Психологический журнал. 2011. № 1(32).С. 55–86.

Нуркова В.В. Жизнь – инструкция по применению: результаты графической экспликации Культурного Жизненного Сценария // Международный журнал исследований культуры. 2018. № 1(30). С.56-73.

Панкратова А.А., Осин Е.Н. Особенности эмоциональной регуляции у представителей русской и азербайджанской культур // Культурно-историческая психология. 2018. № 2(14). С. 44–52.

Ревзина О. Г. Память и язык // Критика и семиотика. 2006. №. 10. С. 10-24.

Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. М., 1979.

Самойленко Е.С., Галаничев П.А., Носуленко С.В. К проблеме межкультурных различий в когнитивных процессах // Экспериментальная психология. 2015. № 1(8). С. 39–59.

Славутин Е.И., Пимонов В.И. К вопросу о структуре сюжета // Вестник Литературного института им. А. М. Горького. 2012. № 2. С. 22-30; [Электронный ресурс] // URL: http://litinstitut.ru/sites/default/files/vestnik_li_2012_2.pdf (дата обращения: 10.05.2021).

Слобин Д. Язык и память // Хрестоматия по общей психологии: Психология памяти / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. М., 2008. С. 276-278.

Соколова Е. Т. Проективные методы исследования личности. М., 1987.

Солсо Р. Когнитивная психология. СПб., 2006.

Тивьяева И.В. Структурная организация мнемического нарратива // Сибирский филологический журнал. 2020. № 1. С.303-315.

Anakwah N., Horselenberg R., Hope L., Amankwah-Poku M., J. Koppen P. (2020) Cross-cultural differences in eyewitness memory report. *Applied Cognitive Psychology*, 2 (34), 504-515, URL: <https://doi.org/10.1002/acp.3637> (date of retrieval: 06.04.2021).

Bartlett F. (1932) *Remembering*. Cambridge: Cambridge University Press.

Bisby J., Burgess N. (2017) Differential effects of negative emotion on memory for items and associations, and their relationship to intrusive imagery. *Current Opinion in Behavioral Sciences*, 17, 124-132. URL: <https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2017.07.012> (date of retrieval: 01.09.2021).

Gutchess, A., & Huff, S. (2016) Cross-cultural differences in memory. In J. Y. Chiao, S.-C. Li, R. Seligman, & R. Turner (Eds.), *The Oxford handbook of cultural neuroscience* (pp. 155–169). Oxford: Oxford University Press.

Hendricks Z. (2021) Cross-Cultural Differences in Memory, Beliefs, and Mental Schemas. *Inquiries Journal*, 13(02).

Huk, O.M. & Bekhta, I. (2020) Concept of narrative analysis and basic approaches. *Young Scientist*, 11, 430-435.

Ji L.-J., Zhang Z., Nisbett R. E. (2004) Is it culture or is it language? Examination of language effects in cross-cultural research on categorization. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1(87), 57–65. URL: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.87.1.57> (date of retrieval: 06.04.2021).

Leger R., Gutchess A. (2021) Cross-Cultural Differences in Memory Specificity: Investigation of Candidate Mechanisms // *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*, 1(10), 33-43. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jarmac.2020.08.016> (date of retrieval: 24.04.2021).

León, C. (2016) An architecture of narrative memory. *Biologically Inspired Cognitive Architectures*, 16, 19-33.

Millar, P.R., Serbun, S.J., Vadalía, A. et al. Cross-cultural differences in memory specificity // *Culture and Brain*. 2013. №1, 138–157. URL: <https://doi.org/10.1007/s40167-013-0011-3> (date of retrieval: 06.04.2021).

Minor, G., Herzmann G. (2019) Effects of negative emotion on neural correlates of item and source memory during encoding and retrieval. *Brain Research*, 1718, 32-45. URL: <https://doi.org/10.1016/j.brainres.2019.05.001> (date of retrieval: 01.09.2021).

Miyamoto Y. (2013) Culture and analytic versus holistic cognition: Toward multilevel analyses of cultural influences. *Advances in Experimental Social Psychology*, 47, 131–188.

Nadel S.E. (1937) Experiments in Cultural Psychology. *Africa*, 10, 421-425.

Rabeson M., Blinnikova I. (2020) Cross-cultural research of strategies and efficiency in visual semantic search. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*, 94, 636–645.

Rabeson M., Blinnikova I., Izmalkova A. (2021) Eye movements in visual semantic search: Scanning patterns and cognitive processing across three cultures // *Advances in Intelligent Systems and Computing*, 1358, 182–189.

Wagoner B. *The Constructive Mind: Bartlett's Psychology in Reconstruction*. 10.1017/9780511920219. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. URL: <https://doi.org/10.1017/9780511920219> (date of retrieval: 01.09.2021).

Wang Q. (2009) Are Asians forgetful? Perception, retention, and recall in episodic remembering. *Cognition*, 1 (111), 123-131.

Xie W., Zhang W. (2017) Negative emotion enhances mnemonic precision and subjective feelings of remembering in visual long-term memory. *Cognition*, 166, 73-83. URL: <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2017.05.025> (date of retrieval: 02.09.2021).

References

Arestova O.N. (2016) Cultural specifics in mediated memory organization in verbal stimuli memorizing. *Voprosy psikhologii (Questions of psychology)*, 3, 89-95. (in Russ.)

Arestova O.N., Muslimzade P.Z. (2018) Cultural specifics of generalizations at the thinking activity (on Azerbaijanis- and Russian-speaking inhabitants of Baku city). *Voprosy psikhologii (Questions of psychology)*, 3, 87-93. (in Russ.)

Bartlett F. (2008) Chrestomathy of general psychology: Psychology of memory. In Yu.B. Gippenreiter, V. Ya. Romanov (Eds.), *A man remembers* (pp. 260-268). Moscow: AST-Astel'. (in Russ.)

Blinnikova I. V., Blinnikov G. B., Bobkov A. N., Alieva A. E. (2021) Kross-kul'turnye razlichiya v otsenkakh emotsiennykh izobrazhenii: Sravnenie rossiiskoi i azerbaidzhanskoi vyborok. *Vestnik RGGU (RGGU Bulletin)*, 1, 15–25. (in Russ.)

Vygotsky L.S., Luria A.R. (1993) *Essays in the history of behavior: Ape. Primitive man. Child*. Moscow: Pedagogika – Press. (in Russ.)

Janet P. (1979) Chrestomathy of general psychology: Psychology of memory. In Yu.B. Gippenreiter, V. Ya. Romanov (Eds.), *Evolution of memory* (pp. 85-92). Moscow: AST-Astel'. (in Russ.)

Cole M. (1997) *Cultural Psychology: A Once and Future Discipline*. Moscow: Kogito-Tsentr. (in Russ.)

Cole M., Scribner S. (1977) *Culture and thought: A psychological introduction*. Moscow: Progress. (in Russ.)

Levy - Bruhl L. (1994) *Primitives and the supernatural*. Moscow: Pedagogika – Press. (in Russ.)

Leontiev D.A. (2004) *Thematic apperception test*. Moscow: Rech. (in Russ.)

Maslova V.A. (2001) *Linguoculturology*. Moscow: Akademiya. (in Russ.)

Nisbett R., Peng K., Choi I., Norenzayan A. (2011) Culture and thinking systems: a comparison of holistic and analytical knowledge. *Psichologicheskii zhurnal* (Psychological journal), 1 (32), 55–86. (in Russ.)

Nurkova V.V. (2018) Life - instructions for use: the results of graphic explication of Cultural Life Scenario. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury* (International Journal of Cultural Research), 1 (30), 56-73. (in Russ.)

Pankratova A.A., Osin E.N. (2018) Osobennosti emotsional'noi regulyatsii u predstavitelei russkoi i azerbaidzhanskoi kul'tur. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* (Cultural-historical psychology), 2(14), 44–52. (in Russ.)

Revzina O.G. (2006) Memory and language. *Kritika i semiotika* (Criticism and semiotics), 10, 10-24. (in Russ.)

Reikovskiy J. (1979) Experimental psychology of emotions. In O.V. Ovchinnikova (Eds.), *Moscow: Progress*. (in Russ.)

Samoilenko E.S., Galanichev P.A., Nosulenko S.V. (2015) On the problem of intercultural differences in cognitive processes. *Ekspperimental'naya psikhologiya* (Experimental psychology), 1(8), 39-59. (in Russ.)

Slavutin E.I., Pimonov V.I. (2012) On the question of the plot structure. *Vestnik Literaturnogo instituta im. A. M. Gor'kogo* (Bulletin of A. M. Gorky Literary Institute), 2, 22-30. Retrieved from http://litinstitut.ru/sites/default/files/vestnik_li_2012_2.pdf (review date:10.05.2021) (in Russ.)

Slobin D. (2008) Chrestomathy of general psychology: Psychology of memory. In Yu.B. Gippenreiter, V. Ya. Romanov (Eds.), *Language and memory* (pp. 276-278). Moscow: AST-Astel'. (in Russ.)

Sokolova E. T. (1987) *Projective methods of personality research*. Moscow: Moscow State University. (in Russ.)

Solso R. (2006) *Cognitive Psychology*. St.Petersburg: Piter. (in Russ.)

Tivyaeva I.V. (2020) Strukturnaya organizatsiya mnemicheskogo narrativa. *Sibirskii filologicheskii zhurnal* (Siberian philological journal), 1, 303-315. (in Russ.)

Anakwah N., Horselenberg R., Hope L., Amankwah-Poku M., J. Koppen P. (2020) Cross-cultural differences in eyewitness memory report. *Applied Cognitive Psychology*, 2 (34), 504-515, URL: <https://doi.org/10.1002/acp.3637> (date of retrieval: 06.04.2021).

Bartlett F. (1932) *Remembering*. Cambridge: Cambridge University Press.

Bisby J., Burgess N. (2017) Differential effects of negative emotion on memory for items and associations, and their relationship to intrusive imagery. *Current Opinion in Behavioral Sciences*, 17, 124-132. URL: <https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2017.07.012> (date of retrieval: 01.09.2021).

Gutchess, A., & Huff, S. (2016) Cross-cultural differences in memory. In J. Y. Chiao, S.-C. Li, R. Seligman, & R. Turner (Eds.), *The Oxford handbook of cultural neuroscience* (pp. 155–169). Oxford: Oxford University Press.

Hendricks Z. (2021) Cross-Cultural Differences in Memory, Beliefs, and Mental Schemas. *Inquiries Journal*, 13(02).

Huk, O.M. & Bekhta, I. (2020) Concept of narrative analysis and basic approaches. *Young Scientist*, 11, 430-435.

Ji L.-J., Zhang Z., Nisbett R. E. (2004) Is it culture or is it language? Examination of language effects in cross-cultural research on categorization. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1(87), 57–65. URL: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.87.1.57> (date of retrieval: 06.04.2021).

Leger R., Gutchess A. (2021) Cross-Cultural Differences in Memory Specificity: Investigation of Candidate Mechanisms // *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*, 1(10), 33-43. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jarmac.2020.08.016> (date of retrieval: 24.04.2021).

León, C. (2016) An architecture of narrative memory. *Biologically Inspired Cognitive Architectures*, 16, 19-33.

Millar, P.R., Serbun, S.J., Vadalía, A. et al. Cross-cultural differences in memory specificity // *Culture and Brain*. 2013. №1. P. 138–157. URL: <https://doi.org/10.1007/s40167-013-0011-3> (date of retrieval: 06.04.2021).

Minor, G., Herzmann G. (2019) Effects of negative emotion on neural correlates of item and source memory during encoding and retrieval. *Brain Research*, 1718, 32-45. URL: <https://doi.org/10.1016/j.brainres.2019.05.001> (date of retrieval: 01.09.2021).

Miyamoto Y. (2013) Culture and analytic versus holistic cognition: Toward multilevel analyses of cultural influences. *Advances in Experimental Social Psychology*, 47, 131–188.

Nadel S.E. (1937) Experiments in Cultural Psychology. *Africa*, 10, 421-425.

Rabeson M., Blinnikova I. (2020) Cross-cultural research of strategies and efficiency in visual semantic search. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*, 94, 636–645.

Rabeson M., Blinnikova I., Izmalkova A. (2021) Eye movements in visual semantic search: Scanning patterns and cognitive processing across three cultures. *Advances in Intelligent Systems and Computing*, 1358, 182–189.

Wagoner B. *The Constructive Mind: Bartlett's Psychology in Reconstruction*. 10.1017/9780511920219. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. URL: <https://doi.org/10.1017/9780511920219> (date of retrieval: 01.09.2021).

Wang Q. (2009) Are Asians forgetful? Perception, retention, and recall in episodic remembering. *Cognition*, 1 (111), 123-131.

Xie W., Zhang W. (2017) Negative emotion enhances mnemonic precision and subjective feelings of remembering in visual long-term memory. *Cognition*, 166, 73-83. URL: <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2017.05.025> (date of retrieval: 02.09.2021).

Арестова О.Н., канд. психол. наук, доцент факультета психологии Московского Государственного Университета им. М.В. Ломоносова,

Гамзаева М.И., выпускница бакинского филиала Московского Государственного Университета им. М.В. Ломоносова, факультет психологии,

Блинникова И.В., канд. психол. наук, старший научный сотрудник факультета психологии Московского Государственного Университета им. М.В. Ломоносова

Arestova O.N., Candidate of Psychology Sciences, Assistant Professor of Psychology Faculty, Lomonosov Moscow State University,

Gamzaeva M.I., graduate of Psychology faculty, Baku branch of Lomonosov Moscow State University,

Blinnikova I.V., Candidate of Psychology Sciences, Senior Researcher of Psychology Faculty, Lomonosov Moscow State University